

Красавица на картине опиралась на ветхую бамбуковую изгородь. Из правого рукава виднелись кончики ее тонких розоватых пальцев, легонько державшие хрупкую белую хризантему. У изгороди кустилось несколько заброшенных диких хризантем, а земля уходила вдаль заросшим бурьяном пустырем; в углу картины проглядывала темно-красная кирпичная стена древнего храма. Румянец озарял щеки красавицы, лоб ее белел от пудры, волосы были уложены в прическу «фэньсяоцзи». Она была одета в зеленую блузу, белую юбку и расшитую золотом безрукавку-бицзя, а талию перетягивал гусяно-желтый шелковый шнур, подчеркивавший хрупкие плечи и тонкий стан — вся она походила на изящную, стройную хризантему.

В то время, будь то живопись ученых мужей или печатные книжные иллюстрации, красавиц всегда изображали с тонкими бровями, узкими глазами и невыразительными чертами лица — где видано такое яркое, живое портретное мастерство?

Он не удержался, взглянул на Цуй Се и с изумлением спросил:

— Старший брат, как ты это нарисовал? Она же совсем как живая!

Неужели он рисовал с живой натуры, а не с обычных иллюстраций?

Цуй Се вовсе не удивился его реакции и не боялся, что людям эпохи Мин, привыкшим к тонким бровям и узким глазам, не понравится портрет с пропорциями, близкими к реальным. В годы Ваньли художник Цзэн Цзин во время общения с миссионерами перенял особенности западной масляной живописи, благодаря чему его портреты получались невероятно живыми. Это не только стало популярным в его время, но и положило начало живописной школе, просуществовавшей до династии Цин.

К тому же этот рисунок был выполнен исключительно в традиционной технике гунби, просто лицо и руки были переданы в более точных пропорциях. Помимо красоты, в нем не было ничего подозрительного.

К вопросу Пэн Яня Цуй Се подготовился заранее. Он спокойно поманил его пальцем и напевным голосом произнес:

— На самом деле я рисовал с натуры. С того, кого знаю лучше всего и вижу каждый день...

— Я понял! — воскликнул Пэн Янь. — Старший брат, ты ведь рисовал с самого себя? Я-то думал, отчего ты рисуешь так легко и быстро — ты же каждый день видишь это лицо в зеркале, конечно же ты к нему привык! Правда, на рисунке всё равно не так красиво, как ты сам...

Говоря это, он вдруг заметил, что Цуй Се слегка закатил глаза и с нескрываемым смирением смотрит на него.

— Я ошибся? Неужели это какая-то из наших сестриц? — Перебирая в памяти служанок, кормилиц, наложниц и молодых барышень из семьи Цуй, Пэн Янь пытался угадать.

Но Цуй Се не дал ему гадать дальше. Он протянул руку, ущипнул его за щеку и с усмешкой сказал:

— Человек, которого я вижу каждый день, разве это не ты? Поди сам посмотри в зеркало: эти большие глаза, это маленькое личико, линия роста волос на лбу — разве всё это не похоже на тебя?

Пэн Янь, поддавшись на его розыгрыш, долго разглядывал себя в зеркале, но в конце концов

решил, что тот неправ. Держа зеркало в руках, он посмотрел на Цуй Се и с наивной упрямостью произнес:

— И всё равно я считаю, что похожа на тебя. Когда ты только что манил меня пальцем, ты улыбался точь-в-точь как красавица на картине... такое выражение лица... сразу видно, что замышляешь что-то недоброе!

«...Вот и балуй тебя после этого». И что за разговоры у этого мальчишки? Разве он может замышлять недоброе?

Цуй Се собрал просохшие листы с рисунком и отправился на задний двор, чтобы передать их мастерам для изучения способов печати.

Стоило развернуть картину, как среди мастеров раздались восхищенные возгласы. Разложив свиток на столе и наклонившись ближе для осмотра, они, как и Пэн Янь, не удержались от вопроса:

— Молодой господин, как вам удалось так нарисовать? Да она же совсем как живой человек!

Цуй Се с улыбкой ответил:

— Да просто с натуры. Я изо дня в день хожу везде с Пэн Янем, его лицо у меня уже в памяти отпечаталось, вот и рисовал с него. Он у нас парень изящный, переодень его да причеши по-другому — вылитая красавица.

Ли Цзиньбао прямодушно заметил:

— Братец Пэн Янь совсем не похож на неё. На вид он вполне честный и простой, совсем не такой манящий.

Цуй Се даже не стал ему отвечать.

Мастера некоторое время изучали рисунок, затем наложили прозрачную вощеную бумагу, обвели контуры и разбили изображение на несколько слоев для вырезания печатных досок. При раскрашивании Цуй Се заранее учел сложности печати: цвета одежды наносились ровным слоем без теней, большинство цветowych пятен требовали лишь одного оттиска. Лишь с лицом и линией волос было чуть больше хлопот — при печати требовалось слегка растирать краску кончиками пальцев, чтобы получить мягкие переходы.

Но этому приему он обучил их еще несколько дней назад.

Мастера тренировались не один день и уже набили руку. Отпечатанная красавица казалась хмельной от легкого румянца, а ее роскошные волосы спадали густыми волнами. Это было не просто лучше обычных книжных иллюстраций — даже среди продававшихся на рынке портретов красавиц не встречалось настолько живых образов!

Печатать такую картину как простую книжную иллюстрацию — просто грех! Если напечатать её на писчих листах с рисунком, люди с радостью отдадут по цзяню серебра за штуку!

Когда оттиски были готовы, Цуй Се находился в школе и не мог прийти, чтобы принять решение, поэтому мастера позвали на совет управляющего Цзи.

Управляющий Цзи оставил сына приглядывать за лавкой, а сам вернулся и своими глазами

осмотрел оттиск иллюстрации и пробные печатные образцы на нежно-цветной бумаге. В его голове мигом защелкали костяшки счетов: он сразу прикинул, какой вариант принесет больше прибыли и больше заслуживает печати.

Печатать книги — дорого и долго, тут окупаемость куда медленнее, чем у писчих листов с рисунком. Судя по его зоркому глазу, поднаторевшему за долгие годы торговли, если напечатать этот рисунок на писчих листах и продавать коробом по лян серебра за набор, а то и прибавить немного золотой или серебряной пудры и продавать по два-три цзяня за лист — молодые господа из богатых семейств с удовольствием расхватывают их!

На нем всё еще висел тяжкий грех тайной сдачи в аренду заднего двора книжной лавки, и Цуй Се не простил его до конца, сказав лишь, что вернется к этому разговору в конце года при подсчете счетов. Поэтому его страх и трепет, как и решимость из кожи вон вылезти, но заработать как можно больше денег, были сильнее, чем у кого-либо. Посмотрев на исполненные надежды лица мастеров, он хлопнул ладонью по столу и стиснул зубы:

— Ждите! Когда вернется хозяин, я сам с ним обо всем поговорю!

Вечером, когда Цуй Се вернулся домой, его встретил сияющий управляющий Цзи и стопка разного размера светло-желтых и светло-зеленых писчих листов с изображением красавицы. Большие листы были отпечатаны горизонтально, чуть уже и длиннее формата А4: на одних рисунок располагался слева, на других — справа или посередине. Маленькие листы были меньше формата А5 и после нанесения рисунка походили на открытки. Там же лежала одна обычная книжная иллюстрация, отпечатанная на белой тутовой бумаге.

Пока он разглядывал образцы, управляющий Цзи потирал руки и преклонив голову ждал рядом. Лишь когда Цуй Се отложил листы, в старых глазах зажегся азартный блеск, и он, едва сдерживая улыбку, спросил:

— Хозяин, как вам эти писчие листы? Старик всё пересчитал: если напечатать набор таких листов, много печатать не надо...

Он помахал пальцами:

— Четыре листа в наборе — и за один лян серебра уйдут без проблем! Если добавить еще пару листов, цену можно удвоить. Ни на одном портрете из тех, что продаются снаружи, нет таких красавиц. Если напечатать их на хорошей бумаге, изысканные книжники да сыновья чиновников точно купят их и для коллекции, и в подарок. Да один человек по несколько наборов возьмет!

Цуй Се медленно кивнул, пошел в кабинет, взял кисть и написал на нескольких листах недавно выученную песню «Минь юй сяоцзы». На маленьких листиках места для текста не оставалось, поэтому он без малейшего сожаления исписал прямо изображение красавицы, да еще и с пренебрежением заметил:

— Мешает писать. Маленькие листы неудобны, будем печатать большие, рисунок лучше размещать слева. Контуры делайте не тушью, а охра-водяным оттиском, стихи печатайте еще светлее, а вот здесь, внизу, вырежьте мне печать...

Подумав, что стихотворение чужое, а своей печати у него нет, он решил использовать название книжной лавки — заодно послужит защитой от подделок:

— Вырежьте печать книжной лавки «Чжижун» вот такого размера, шрифтом сяочжуань.

Управляющий Цзи охотно поддакнул и с надеждой спросил:

— Хозяин, а когда вы нарисуете еще несколько красавиц?

У хозяина сегодня прибавилось домашней работы, так что рисовать красавиц в ближайшее время было некогда. Он взмахнул рукой:

— Некуда спешить. Какими бы хорошими ни были писчие листы, книги тоже нужно печатать. Передай им, пусть торопятся с резкой досок для книг, а до поэтического вечера на Праздник двойной девятки пусть напечатают мне пару десятков листов, остальное сделаем постепенно.

Его живописное мастерство выигрывало лишь за счет опережающей время техники, а если судить по-настоящему, базы ему не хватало. Если эти писчие листы и впрямь станут хитом продаж, быстро появятся подделки и подражания, а кто-то может вскоре разгадать метод цветной печати. И тогда новые красавицы вытеснят эту прежнюю.

Всё же нужно подкреплять персонажей историями, чтобы преданные поклонники раскошеливались долго и всерьез.

В девятый день девятой луны, на Праздник двойной девятки, в академии объявили выходной.

Старший брат Юэ вместе с Ло Цзином, Ван Сы и другими старшими братьями по учебе, облачившись в новенькие белоснежные халаты-чжидо, заехали за ним на экипаже ранним утром, чтобы отправиться в загородный дом семьи Шэнь на горе Юэгу для участия в поэтическом вечере на Праздник двойной девятки.

Цуй Юань тоже заранее запряг повозку, положил туда праздничные коврижки, хризантемовое вино, коробку со сладостями, сушеное мясо и чистую воду — всё было снаряжено на славу, как для семейного выезда. Цуй Се уложил в книжную шкатулку свеженапечатанные листы с рисунком, поставил её в повозку и велел Пэн Яню ехать с ним.

Старший брат Юэ сказал:

— У семьи Шэнь полно слуг и служанок, так что можешь оставить своего старого слугу и мальчишку дома. Поезжай лучше в нашей карете.

<http://bllate.org/book/18372/1761271>